

Анастасия Коваленкова

МЫШОНОК, КОТОРЫЙ ТАМ

никея

Анастасия Коваленкова

Мышонок, который Там

«Никея»

2021

УДК 821.161.1-053.2
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Коваленкова А. С.

Мышонок, который Там / А. С. Коваленкова — «Никея», 2021

ISBN 978-5-907661-12-7

Что успеет мышонок за одно лето? Получит необычное имя, увидит синий лес, научит улыбаться кота, прогонит чудовище из парника, спасёт ягненка и устроит незабываемый день рождения для мамы. А ещё – подружит всех зверей в округе: собаку с котом, котов с мышами, мышей с кротами! А ещё поймёт, что он странник. Но ему всегда будет куда вернуться, потому что есть дом, где его любят. С книгой «Мышонок, который Там» Анастасия Коваленкова стала лауреатом конкурса «Образ книги» (2021) и обладателем специального приза международной детской литературной премии В. П. Крапивина (2021). «Мышонок, который Там» также вошёл в список «50 лучших российских детских книг XXI века».

УДК 821.161.1-053.2
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-907661-12-7

© Коваленкова А. С., 2021
© Никея, 2021

Содержание

Вечер зацветающей вишни	9
Разрешённая весна	15
Туманный день	24
Страшная сила	33
Громы и молнии	40
Конец ознакомительного фрагмента.	47

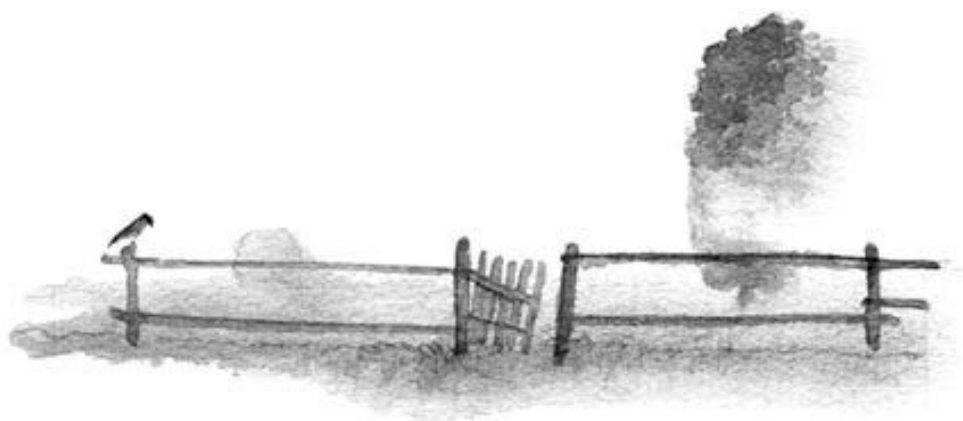
Анастасия Коваленкова

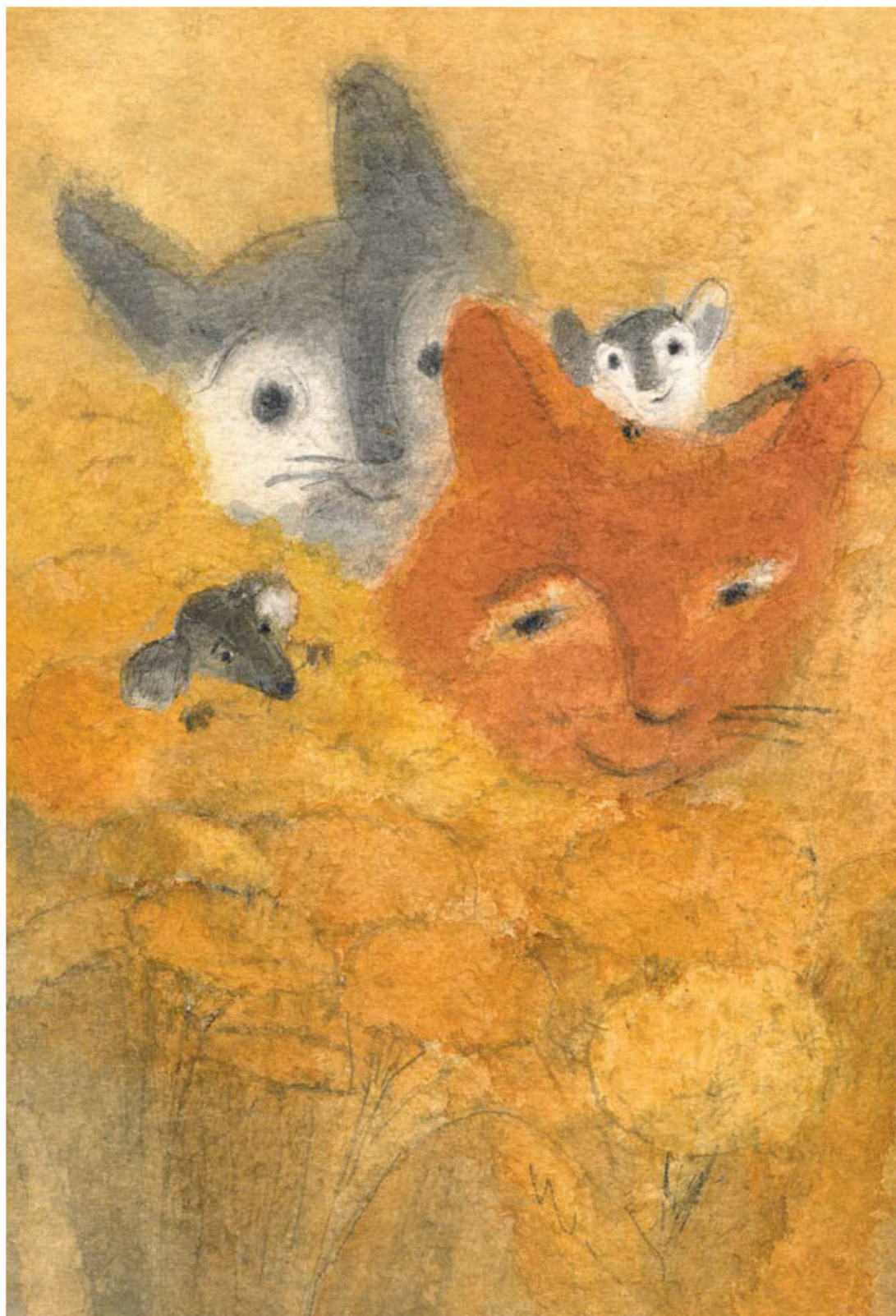
Мышонок, который Там

© Коваленкова А.С., текст, илл., 2021

© ООО ТД «Никея», 2023

* * *

Анастасия Коваленкова

МЫШОНОК, КОТОРЫЙ ТАМ

Иллюстрации автора

Москва
«Никея»
2023

Здравствуй, читатель!

Я для тебя написала эту книгу. И для всех-всех людей.
Потому что я хочу подарить то чудо, которое есть у меня.
Пусть оно будет общее, наше.

Всю свою жизнь я живу в замечательном мире – среди полей, лесов, деревень на далёких холмах, петляющих рек, загадочных оврагов. Бываю я и в городах, но этот свободный мир земли мне дороже. Он – моё главное чудо.

А какие удивительные звери окружают меня! Лось, задумавшись, стоит на опушке, в траве крадёт кошка, рыжий красавец-лис рысцой бежит по лесной тропинке. В широких лугах храбрый пёс стережёт стадо пугливых овец. В овраге старается, роет-копает свою нору чёрный бархатный крот, у ручья щиплет траву белоснежная коза...

А за моим домом, в густом саду, у старой вишни, попискивает в траве маленький мышонок. Он не просто так попискивает. Он что-то рассказывает своему брату.

Вот о нём, об этом маленьком мышонке, написала я книгу для тебя, читатель.

И о чудных зверях, ставших его друзьями, и об огромном прекрасном мире русской деревни. Для мышонка этот мир вообще гигантский! Даже опасный...

Как же в нём жить такому малявке? А жить в нём очень здорово, если у тебя открытая душа и горячее сердце.

Впрочем, что я тебе рассказываю? Читай, и сам всё узнаешь.

В добрый путь!

Анастасия Коваленкова

*Деревням Жевнево, Лужки,
Яропольцы и их жителям
посвящаю я эту книгу*

Вечер зацветающей вишни

ВЕЧЕР
ЗАЦВЕТАЮЩЕЙ
ВИШНИ.

Поздним майским вечером в деревне Лунёво затопили печи. Ждали заморозка.

Но белые столбы дыма, поднимаясь из труб, шли почему-то не вверх, а изгибались пушистыми толстыми хвостами, заворачивали вниз и расплывались в садах за домами душистым туманом. Издалека деревенские избы стали теперь похожи на ссорящихся котов, что стоят на холме, выгнув хвосты.

В дымном тумане, плывшем среди вишнёвых стволов, слышались писк и шебуршание. Маленькие дырочки в земле были почти незаметны. А каждая дыра вела в нору. А в каждой норе жили мыши. И во всех мышиных семьях сегодня шумели, галдели и дурачились. Мыши праздновали Вечер Зацветающей Вишни. Так уж заведено, что в этот вечер маленьким мышатам давали имена. Всю весну безымянным малышам строго запрещалось отходить от норок. Зато завтра, когда вишня распустится, каждый мышонок с именем сможет сам гулять среди этой красоты.

То тут, то там из норы высовывалась довольная мордочка и в сумерках звенело:
– Терентий-Терентий-Терентий!

Потом кто-то дёргал малыша за хвост, тот проваливался в нору, а на его месте появлялся нетерпеливый брат.

– Ефим-Ефим-Ефим-Ефим! – пыхтел он.

Так мышата пробовали свои имена на вкус.

Вот какое веселье происходило сегодня в садах деревни Лунёво.

И только в норе под старой вишней никто не веселился.

Мама дрожащими лапами по третьему разу перебирала запасы. А Папа стоял посреди гостиной и нервно грыз кончик собственного хвоста.

И было из-за чего! Уже темнело, а их маленький сын до сих пор не вернулся домой.

– Пропал! Опять пропал! – сокрушался Папа.

Да, один из двух мышат, появившихся на свет этой весной, упорно исчезал из норы. И было совершенно непонятно куда, потому что найти его не удавалось. Мышонок возвращался сам, а на расспросы, где пропадал, махал лапкой куда-то вдаль и говорил только одно слово: «Там!»

И чем только его не пугали! И про кошек рассказывали, и про сов, и про лисиц – ничего не помогало. Мышонок убежал и убежал.

Вот и сегодня он пропал ещё утром.

Вначале Папа сердился, потом успокаивал Маму. Потом бегал по норе и кричал. К вечеру Папа совсем потускнел. Его уши и усы печально обвисли. Родители были в отчаянии.

В это самое время у входа в нору под старой вишней стояли два мышонка и тихо переговаривались.

– А Папа сильно ругается? – спросил один.

– Теперь уже даже и не ругается. А днём – ого-го как ругался! – прошептал второй. – Бегал по норе туда-сюда и про вишню кричал.

– А что кричал?

– «Вишня распускается, а его нет!» кричал. А ты где был?

– Сам знаешь где – там, – мышонок махнул лапкой в сторону. – Смотри, уже совсем зацветает!

Оба мышонка поглядели вверх. Высоко над ними, в темноте, среди чёрных вишнёвых веточек розовели бутоны. Казалось, что они светятся изнутри.

– Вот-вот... – прошептали мышата и один за другим нырнули в нору.

Мышиная нора начинается длинным коридором, который ведёт в гостиное гнездо. Оттуда есть маленькие лазы в детское гнездо, спальное гнездо и ещё множество ходов в запасные коридоры и кладовки. Ходы обложены сухой травой, а гнёзда – мягкой шерстью зверей, на которых охотится Папа. Папа пока не рассказывал, как выглядят эти звери. Ясно только, что они удивительные, потому что шерсть их бывает зелёной, синей, фиолетовой, а иногда даже красной. Зовут зверей таинственно: Кофта и Свитер. Ещё мышата знали, что Кофту найти легко и окраска у неё самая разная. Свитер попадаетея реже, и мех у него не такой яркий, зато очень тёплый. Гостиная в их норе была обшита мехом редчайшего Красного Свитера.

Сердитый Папа на фоне Красного Свитера выглядел устрашающе.

– Я даже не спрашиваю тебя, где ты был! – сказал он.

– Там, – пискнул мышонок.

– Да уж мы заметили, что не тут. А ты знаешь, что все чуть с ума не сошли?! И какой сегодня вечер, ты тоже знаешь?!

– Знаю, – прошептал мышонок.

– Но ты не знаешь самого печального, – грозно сказал Папа. – Так вот, знай, что из-за твоего безобразия я смог придумать всего одно достойное имя. И получил его твой брат.

Теперь его зовут Никанор. А для тебя у меня есть только возмущение, а имени нет. И что мы будем делать?

Мама стояла у Папы за спиной и гладила его лапами по плечам, пытаясь успокоить.

– Может, Илюша? – предложила она.

– Ну какой он Илюша?! – вскричал Папа. – Да ты посмотри на него! Носится непонятно где! Такой вот сорвиголова по имени Илюша?

В норе стало тихо.

Папа смотрел на сына грустными глазами.

Мышонок тоже взглянул на Папу снизу глазами-бусинами и вдруг выпалил:

– Папочка, миленький, а можно я буду Там?

– Где там? Опять там??? – взревел Папа.

– Нет, ты не понял, не понял, – заторопился мышонок, – не «там» в смысле «где»!

Можно у меня будет такое имя – Там? Мышонок Там, понимаешь?

– Мышонок Там? – Папа озадаченно почесал за ухом. – Мышонок Там... Странно как-то. Хотя... Там... А вообще есть такое имя? – обернулся он к Маме.

– Вполне может быть, – миролюбиво сказала Мама. – Очень решительное имя – Там. Ты же хотел решительное?

– Ну, пусть будет Там, – Папа устало махнул лапой. – И вообще, называйтесь вы как хотите. Никакого порядка в семье...

– Ну что ты, дорогой, – сказала Мама, – теперь всё в полном порядке. Там, Никанор, ну-ка, шагом марш ужинать и спать.

Мышата лежали в детском гнезде и шептались.

– Завтра гулять будем... – мечтательно вздохнул Там.

– Тебе-то что, ты и так каждый день гуляешь, – возразил Никанор.

– А хочешь, секрет скажу? – спросил Там.

– Ну?

– Я, если честно, сам ещё нигде не был.

– Как не был? Ты же всегда говорил, что был там. То есть далеко где-то.

– Я так говорил, чтоб никто не догадался. А сам даже от норы не отходил.

– Как не отходил? – Никанор сел на подстилке и уставился на Тама.

– Понимаешь, я только смотрел туда, вдаль. Я на вишню лазил.

– На нашу вишню?

– Ага. Залезал на самый верх, сидел там и глядел.

– А разве это интересно, вот так сидеть и смотреть?

– Ещё как! Знаешь, сколько всего видно? За деревней слева река течёт, там пляжи рыжие-рыжие, а справа – другая река, у неё берега крутые, в них птички живут, прямо как мы, в норках. А за садами нашими лес сосновый, зелёный такой и густой-густой, а под холмом – поля, большущие, а вот уже за дальними полями вообще синий лес растёт.

– Синий-синий? – зевнул Никанор.

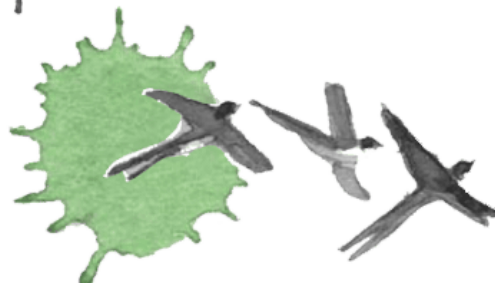
– Синий-пресиний, – прошептал Там.

Он свернулся калачиком, поудобнее обернулся хвостом и принялся мечтать: «Завтра я обязательно в этот синий-пресиний синий лес...»

Но додумать мечту Там не успел, потому что уснул.

Разрешённая весна

РАЗРЕШЁННАЯ
ВЕСНА.

– Другая весна начинается! Другая весна! – кричал Там, прыгая на одной лапке вокруг норы.

– Почему другая? – спросил Никанор.

Мама только что накормила их праздничным завтраком из лесных орехов, а потом они с Папой торжественно отпустили детей на первую прогулку.

– Раньше весна какая была? – спросил Там и тут же сам себе ответил: – Запрещённая была весна, потому что никуда нельзя было. А теперь весна знаешь какая?

– Какая?

– Разрешённая! – крикнул Там и перекувырнулся в воздухе.

Перевернувшись через голову, он упал в пыльную ямку и теперь чихал и отряхивался.

– Потому разрешённая, – сказал он, прочихавшись, – потому разрешённая, что всюду можно.

– И куда пойдём? – спросил Никанор.

Дело в том, что Папа разрешил им гулять только вместе.

– Пойдём туда, куда мечтали, – серьёзно сказал Там. – Ты куда мечтал?

– Я – на колокольчиковую поляну. Помнишь, Мама рассказывала, как они там звенят?

Вот бы послушать...

– Ну, это вообще – в двух шагах.

– А ты далеко мечтал? – поинтересовался Никанор.

Там загадочно улыбнулся.

– Пошли на колокольчиковую, – сказал он.

Мышата побежали через вишнёвый сад.

– А сад-то какой! – восторженно крикнул Там на бегу.

– Ага! – подтвердил Никанор.

Сад сегодня был и впрямь невероятный. Промытый утренней росой, он весь пенился розовым цветом. Листьев ещё совсем не было, и только тысячи нежных соцветий, шурша, покачивались среди тоненьких чёрных веточек.

Братья добежали до края сада и нырнули в крапивные заросли. Там они наткнулись на мохнатого шмеля, но испугаться не успели, потому как шмель сам так испугался, что метнулся в траву и, запутавшись, ещё долго жужжал оттуда какие-то ругательства.

Выскочив на поляну, мышата замерли. Колокольчики были повсюду. Они росли на ровных зелёных стеблях, уходящих вверх, и уже там, высоко-высоко, чуть склоняли головы, похожие на сиреневые абажуры.

– Ух как... – выдохнул Никанор.

– А звон где? – спросил Там.

Колокольчики молчали.

– Может, надо сильно-сильно прислушаться? – предположил Никанор. Мышата затаили дыхание. Они вслушались так сильно, что даже кончики ушей покраснели.

– Что-то совсем ничего... – вздохнул Никанор.

– Потому что ветра нет, – сказал Там.

– А давай им ветер сами устроим? – и Никанор потянул за ближайший стебель.

Сверху донеслось нежное «дзынь». Тогда Там ухватил лапками сразу два колокольца и толкнул. Получилось «дзон-дзень».

Дальше дело пошло! Мышата носились среди зелёных стеблей и толкали, и тянули, и дёргали – в общем, музицировали. Кончилось всё на самом интересном месте. Когда Никанор придумал обвязывать травинкой сразу несколько стеблей, чтобы вышло «хором», прилетел сердитый дрозд и отругал их по-страшному. Оказывается, они перебудили всех птенцов в гнёздах на соседней иве и надо теперь «немедленно прекратить этот гвалт». Концерт пришлось закончить.

– Мировецкая музыка получилась! И вообще – такой день! – веселился Никанор. Он тащил на плече большой колоколец, который у них случайно отломался. Никанор заявил, что это будет первый музыкальный инструмент в его будущей коллекции.

– Давай его домой занесём, – предложил он. – Всё-таки тяжёлый.

Там думал о чём-то своём, поглядывал вдаль и молчал.

– Слушай, ты беги к норе, – сказал он, вдруг остановившись, – а я тут... ну, в одно место.

– Мы же обещали повсюду вместе... – растерялся Никанор.

– Понимаешь, мне очень надо, и я боюсь, что не успею, – сказал Там, нетерпеливо подпрыгивая.

– Пойдёшь куда мечтал?

– Ага.

– Далеко пойдёшь? И мне с тобой нельзя? – расстроился брат.

– Ну куда ты с этим своим инструментом, – вздохнул Там. – И потом – я знаю, что должен сам, понимаешь?

– Ладно. Где встречаемся?

– На краю поля давай, у околицы.

И Там юркнул в траву.

Конечно, Там с самого утра хотел попасть в синий лес. Выбежав за околицу, он посмотрел с холма вдаль, туда, где за полями синела его мечта.

Наметив направление, Там задумался, как бежать. Через пшеничные поля было безопаснее, но дольше. Да и с пути сбиться можно. Запутаешься ещё в этих колосьях... А по дороге и удобно, и лес видно. Но опасно. Очень опасно. Папа учил, что на дорогу выходить никогда нельзя: «Там ты для любого зверя как обед на тарелочке – кушать подано».

«Но если быстро, то, может, никто не заметит?» – подумал Там.

И выбрал дорогу.

Там мчался что есть мочи, скоро-скоро перебирая маленькими лапками. Дорога была сухая, и колеи припорошила мягкая пыль, которая облачком кружилась вокруг мышонка.

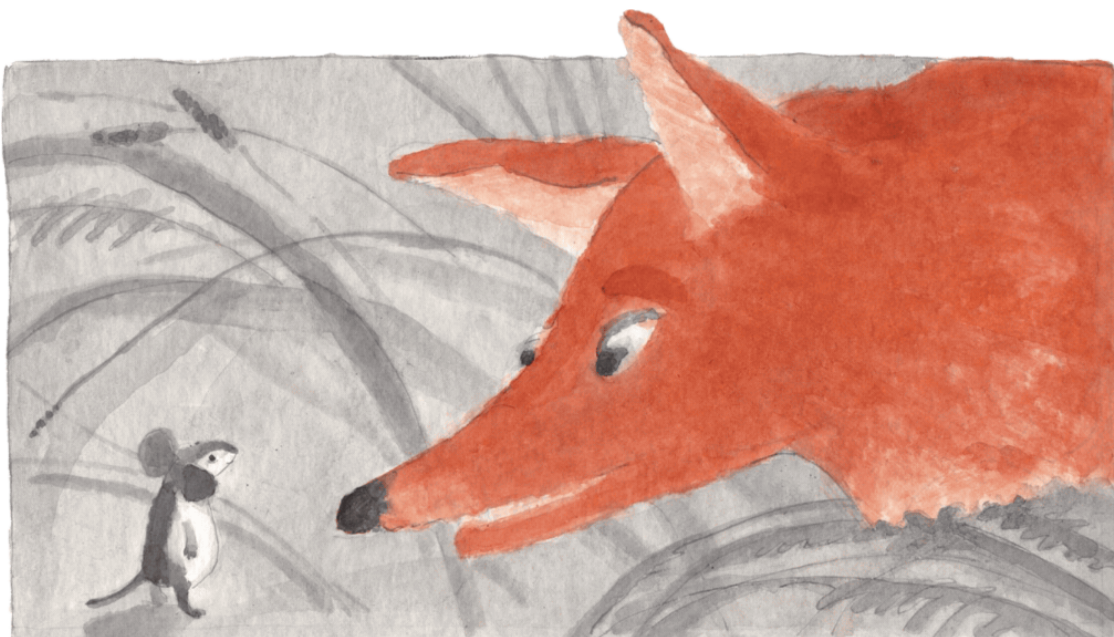
«Синий лес, синий лес, лес чудес, лес чудес!» – напевал мышонок. Он внимательно глядел под ноги, чтобы не споткнуться.

Вдруг он уткнулся во что-то пушистое, большое и мягкое. Побарахтавшись в меховых зарослях, Там выбрался, отряхнулся и огляделся.

Слева и справа от него над дорогой возвышались четыре рыжих мохнатых столба. А прямо перед ним висела пушистая труба с белым кончиком. В неё-то Там и врезался.

Мышонок сел на дорогу и задумался.

«Так... У совы две лапы, два крыла и голова. Не подходит. У змеи вообще только туловище, без лап. Опять не то. У лисы – четыре рыжие лапы, один хвост и голова...»

– Похоже на лисицу, – сказал Там. – Только где же голова?

– Голова с другой стороны, – раздался голос откуда-то сзади.

Мышонок попятился, попятился, попятился – и наконец увидел большую рыжую морду, которая смотрела на него сверху.

– Ах вот, значит, где она, голова то есть ваша, простите... – пробормотал он.

– Да, вот здесь.

– Значит, вы всё-таки лисица.

– Я не просто лисица. Я Большой Лис. Самый большой в округе. И сейчас я в полной растерянности.

– Это как? – не понял Там.

– А вот так, – сказал Лис. Он сел на дорогу, обхватил лапами свой хвост и начал его расчёсывать. – Иду я себе по дороге, а навстречу летит мышонок. И не то что не пугается, а вообще меня не замечает. Проносится прямо между лап, влетает в мой собственный хвост, да ещё и лохматить его начинает. Невероятно! Просто невиданно.

– Простите, что я вас не заметил, – пробормотал Там. – Я спешил очень.

– Но теперь-то заметил? – спросил Большой Лис, стряхивая с распушённого хвоста последние соринки. – И почему не боишься?

– Я, наверное, момент упустил: бояться надо было сразу. И потом, вы не страшный. Вы красивый.

– А если так?! – воскликнул Большой Лис. Он наклонил морду к самому носу мышонка и оскалится всей своей зубастой пастью.

– А так... Так вы страшный и некрасивый.

– Ну, знаете, – сказал Лис, – такую отчаянную мышь я вообще первый раз встречаю. Он мне ещё заявляет, что я некрасивый. Ты прямо сорвиголова какой-то.

– Да, Папа так и говорит, что сорвиголова.

– Тогда понятно. Если даже родственники говорят... Нездоровый мышонок, – вздохнул Лис. – Так вот, запомни, нездоровый мышонок: оскал нужен не для красоты, а для устрашения врагов. Вот ты – скалиться умеешь?

– Я не пробовал, – признался Там.

– Так попробуй! Покажи мне свою пасть.

Там очень постарался оскалиться, и в конце концов у него получилось. Он даже брови насупил устрашающе.

Только во рту у мышонка было всего четыре зуба: два сверху и два снизу.

– М-да... Негусто, – улыбнулся Лис.

– А можно... – мышенок замялся, – можно я уже пойду? Вы же на меня охотиться не собираетесь?

– Пожалуй, не собираюсь, – сказал Лис. – Мы же с тобой уже познакомились, а я знакомых не ем. А потом, вдруг ты заразный? Съешь вот такого мышонка и всякий страх потеряешь. Беги уж.

– Ну, тогда – будьте здоровы! – сказал Там. – Простите за хвост!

И Там снова побежал.

– До чего дожили, – вздохнул Большой Лис, глядя ему вслед. – Моя еда желает мне же доброго здоровья!

Там всё бежал и бежал. И вдруг – дорога кончилась.

Там поднял глаза. И увидел лес. Тот самый. Из мечты.

Только лес этот оказался совсем не синий. Лес был очень приятного зелёного цвета. Но не синий. Вообще ничуть.

А на опушке стоял огромный непонятный зверь. Он смотрел вдаль и жевал веточки. На голове у зверя громоздились широченные рога, похожие на серые доски или лопаты.

– Дяденька, – спросил Там, – а где же синий лес?

Зверь опустил голову, поглядел на Тама, потом выпрямился и очень медленно проговорил:

– Я бы на твоём месте обернулся.

И Там обернулся.

И увидел зелёные пшеничные поля, через которые он так долго бежал. А за полями – свою деревню Лунёво, раскинувшуюся на холме. А за деревней Там увидел... синий лес. Загадочный, прекрасный, синий лес.

– Как же так? – сказал Там. – Как же так, дяденька?

– Я не дяденька, я – Лось, – гордо сказал зверь. – А чему ты удивляешься? Вон же он, синий лес, за полями.

– Так в том-то и дело, что теперь он – там. А раньше здесь был. Я же к нему целый день бежал, к синему лесу. Вот и прибежал. А он – там... Это же было – моё чудо... – растерянно сказал мышонок.

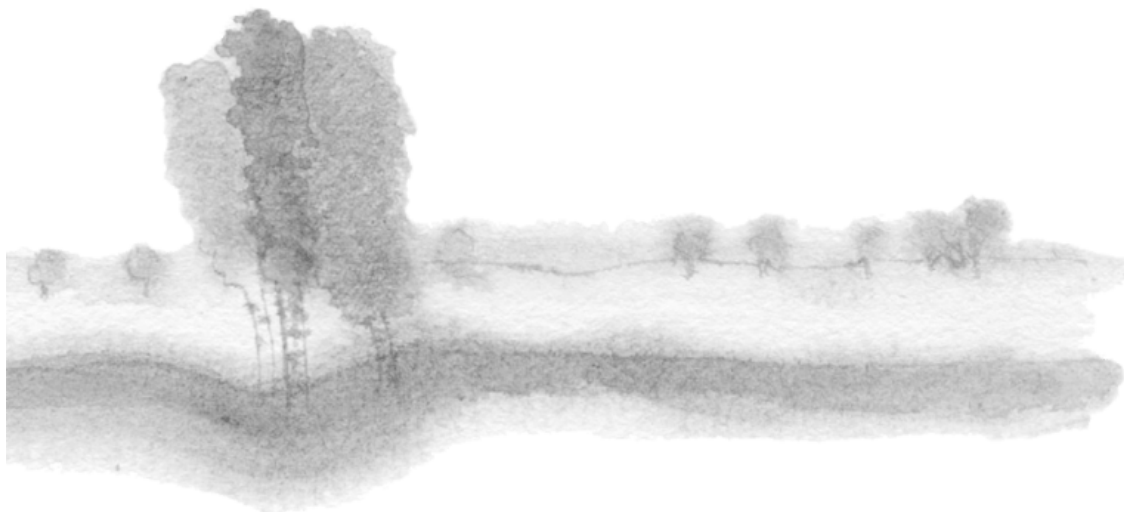
Лось наклонил большую рогатую голову совсем низко и внимательно посмотрел в грустные глаза Тама. Посмотрел так, что Там сразу понял: Лось – очень добрый зверь.

– Знаешь, – сказал Лось, – есть такие чудеса, которые исчезают, если к ним подойти слишком близко. Вот, видишь тот синий лес? Я всегда смотрю на него отсюда, с опушки. Но близко никогда не подхожу. Потому что – чудо. А чудо нужно беречь.

Мышонок и Лось стояли на опушке и глядели вдаль.

– Я понял, – сказал Там.

– Вечереет, – сказал Лось.

И только тут мышонок сообразил, что ему ещё очень-очень долго добираться в свою деревню.

– А скоро стемнеет? – спросил он.

– Домой торопишься? Ладно уж, довезу тебя. – Лось опустил голову к земле. – Забирайся. Мышонок ухватился лапками за лосиные рога и влез на макушку огромной головы.

– Ну, залез, что ли? Тогда поехали! – сказал Лось и побежал.

Это была самая чудесная поездка на свете!

Лось бежал стремительно и ровно, мерно выкидывая вперёд длинные ноги. Он будто плыл над землёю.

А Там сидел между его рогов, словно в кресле, и глядел, глядел. Мимо пролетали туманы в низинах, берёзовые острова среди полей. Всё это мелькало, мелькало... и Там задремал.

Лось разбудил его у самой деревни.

– Дальше – сам давай. Мне туда нельзя.

Там спрыгнул в траву и тут же увидел Никанора. Тот стоял у околицы, уныло переминаясь с лапы на лапу.

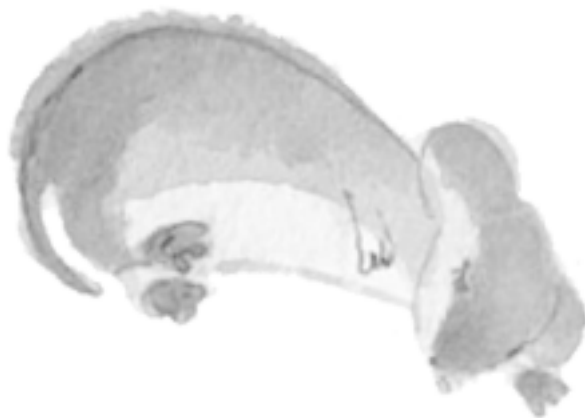
– Беги, заждались уж тебя, – сказал Лось, развернулся и в два прыжка исчез. Будто его и не было.

Только в полночь мышата наконец улеглись, и Мама зашла пожелать им доброй ночи.

– А знаешь, Мам, – сказал Там сонным голосом, – далеко-далеко, у синего леса, на опушке стоит огромный Лось и смотрит вдаль. На наш зелёный лес. Но оттуда, откуда Лось смотрит, наш лес тоже синий.

– Ах, Там, какой же ты фантазёр, – улыбнулась Мама. – Спи уже.

Там закрыл глаза и тут же увидел синий лес. И задумчивого Лося, который кивал ему большой рогатой головой.

Туманный день

Всю неделю мышата обследовали Лунёво и окрестности. В дальние походы Там пока не рвался, тем более что поблизости нашлась куча интересных штук.

Папа показал им место на краю оврага, где к черёмухе была привязана старая тарзанка. Привязана она была так хитро, что, улетаая с одной стороны дерева, ты делал огромную дугу над овражным провалом и приземлялся уже с другой стороны. Развлечение оказалось мировое, и мышата летали над оврагом до самого вечера. Укатались они так, что на лапках появились мозоли, и затею пришлось отложить.

В другой день они отправились на Правую реку. В её обрывистых берегах жили ласточки-береговушки. Никанор придумал, что они с Тамом тоже станут береговушками, и братья вырыли во влажном песке глубокую нору.

Мышата по очереди с воплями выскакивали из норы и, маша лапками будто крыльями, скатывались по песчаному склону, изображая полёт. Правда, в ласточки их всё равно не приняли, но день удался.

С каждой прогулки Никанор притаскивал новый инструмент для своей музыкальной коллекции. В овраге он нашёл большой орех с сухим ядрышком внутри, которое постукивало, если хорошенько потрясти; с пляжа принёс ракушку: она гудела, если в неё правильно дуть. Правильно дуть получалось только у Никанора. Он вообще оказался «музыкально одарённый ребёнок», как сказал Папа.

А вчерашний день пропал почём зря из-за недозрелой земляники, которой они объелись. Мышатам пришлось лежать дома до самого вечера и грызть дубовые корочки, чтобы вылечить животы.

Сегодня утром Там томился и нервничал. Он еле дождался конца завтрака и потянул Никанора за лапу:

– Ну пойдём уже.

Дождёвая на ходу, мышата выскочили из норы... и застыли на месте!

То, что они увидели, было совсем не похоже на их родной вишнёвый сад.

– Ничего себе-е-е-е... – протянул Там. – А куда всё подевалось?

Всё вокруг было укутано чем-то пушистым, белым. Оно плавало в воздухе, а в нём, как в молоке, плавали и тонули деревья, заборы, дома. В двух шагах ещё что-то можно было углядеть, а дальше всё совсем исчезало в этом странном белом.

– Это что ж такое? – спросил Там и потрогал белое лапкой.

– Это, наверное, тот самый, кто с реки пришёл, – предположил Никанор. – Мама за завтраком сказала, что с реки пришёл, ну, этот... как его? Туман!

– А я прослушал. Туман, говоришь? – Там осторожно лизнул кончик лапки: – Не, не сладкий... Вообще никакой.

– Угу-гу! – крикнул Никанор и прислушался. Из белого донеслось глухое «ух-уху».

– Смотри-ка, отвечает!

Они влезли на травяную кочку и немножко покричали в туман, слушая эхо.

– А если в него войти? – предложил Там.

Он осторожно спустился с кочки, сделал несколько коротких прыжков и оглянулся.

– Никанор! – удивился Там. – Ты уже растворяешься! Ты в тумане!

– Ничего я не в тумане, – буркнул Никанор. – А вот ты-то уже совсем в тумане, почти весь растворился.

– Значит, мы растворяемся, а сами не замечаем, – подытожил Там. – Слушай, а давай в растворялки играть! Так ещё видно? – спросил он, отпрыгнув чуть дальше.

– Ты почти растворился, – отозвался из тумана Никанор.

– А так?

– А так?.. Послушай, а ты вообще где?

Там оглянулся и увидел только туман. Никанора не было.

И тут Таму в голову пришла гениальная идея: «Раз мне его не видно, значит, и ему меня не видно. А я сейчас обойду его сзади и ка-а-ак прямо из тумана выпрыгну!»

Он пробежал чуть вправо и, улюлюкнув, выпрыгнул из тумана.

Перед ним был старый вишнёвый пенёк. А кочки и Никанора не было. «Ну конечно, – решил Там, – пенёк чуть дальше кочки». Он прыгнул в другую сторону. И больно стукнулся о ствол какого-то дерева.

– Та-а-а-ам!.. – раздалось сбоку.

– Ам-ам-ам!.. – ответило с другой стороны.

Там побежал на голос, но то, что выплывало ему навстречу, было совсем незнакомое: огромный куст лопуха, старая зелёная бочка, о которую Там чуть не разбил лоб, и ещё мокрые кусты, обрушившие на мышонка целый ливень холодных капель.

«Странно, – подумал Там, отряхиваясь, – дождя нет, а капли есть. Этот туман не сладкий, он – мокрый».

Когда Там понял, что окончательно заблудился, он решил, что пора сесть и подумать.

Мышонок сидел в траве и соображал: «И никто сейчас не знает, где я... И сам я ни капельки не знаю, где я сейчас... Странно и чудесно...» Тут Там понял, что ему совсем не страшно. Даже наоборот: весь день он был какой-то кислый и только сейчас почувствовал себя совершенно замечательно. «Может, иногда бывает полезно – вот так чуть-чуть потеряться?» – размышлял он.

И Там решил ещё немножко поблуждать в тумане. Он просто никак не мог отказаться от такого удовольствия.

Он шёл сквозь туман очень осторожно, на всякий случай выставив вперёд лапки. Слева проплыло огромное призрачное дерево. «Большая берёза, – догадался Там, – значит, я вышел к полю». И точно: перед ним вдруг выросла стена крепких пшеничных колосков. Лезть по туману сквозь колосья Там не захотел и взял левее, туда, где от деревни вниз уходила луговина с короткой травой. «Я почти нашёлся», – подумал Там. Но, оказавшись на лугу, Там понял, что снова потерялся: вокруг были только трава и туман.

– Майка! Май-ка-а-а-а! – донеслось издалека.

– Вот. Тоже кого-то потеряли... – прошептал Там. В таком тумане разговаривать громко не хотелось.

Вдруг прямо перед ним возник кто-то. Этот кто-то был совершенно белый, весь покрытый шелковистой шерстью. Он стоял спиной к Таму, помахивая хвостиком, и, низко опустив голову, щипал траву. Слышно было, как этот кто-то похрумкивает.

– Эй, – позвал Там, не зная, как начать разговор.

Белый кто-то поднял голову и посмотрел на Тама. У него была морда с большими мягкими губами и задумчивыми круглыми глазами, похожими на пуговицы. А между ушей виднелся рог, но почему-то всего один.

– Здравсьте, – сказал Там и вежливо кивнул. «Интересно, почему у него рог один?» – подумал он про себя.

– Здравствуй-здравствуй... – закивал в ответ кто-то. И тут Там услышал удивительную музыку. Это было звеньканье, треньканье и ещё какое-то чудесное лепетание. И все эти звуки издавали серебристые шарики, прикрепленные к чёрной ленточке на шее животного. Там так обомлел от музыки, что даже про рог забыл.

«Это, наверное, настоящий музыкант, – подумал Там. – Такой, про какого Папа рассказывал».

– Скажите, вы музыкант, да?

Животное мечтательно поглядело вверх и проговорило:

– По-моему, нет. Я думаю, что я не музыкант, а коза Майка. Хотя кто знает...

– А-а-а... Понятно, – разочарованно протянул Там. – Но на шее у вас всё-таки музыкальный инструмент?

– Мне кажется, что на шее у меня ошейник с пятью бубенчиками. Хотя всё так туманно... – коза вздохнула, и из бубенчиков посыпался целый водопад нежного звона.

– А эти бу... бубенчики вам для чего? – поинтересовался мышонок. В его голове уже начал созревать гениальный план.

– А мне они – ни для чего. Они моей хозяйке нужны, бабе Тоне. Она старенькая и видит плохо, вот и находит меня на лужайке по звону. А я-то вечно замечтаюсь и забреду куда-нибудь...

Коза задумчиво поглядела на Тама и сказала:

– Мне кажется, что кто-то очень хочет получить один бубенчик.

– А можно? – Там даже на цыпочки привстал.

– Думаю, да. Вон один, который справа, и так еле держится. Ты там ниточку перекуси, – и Майка наклонила голову.

Мышонок ухватился за бубенчик и дёрнул. Тот упал и, чуть звенькнув, замер в траве.

– Майка-а-а! Май-ка-а! – донеслось из тумана.

– Вон, слышишь? Уже ищет меня, – сказала коза. – Так что ты беги, пока баба Тоня не пришла.

– Ага. Спасибо! До свидания! Спасибо! – выпалил Там, обхватил бубенчик и скрылся в тумане. Он ужасно боялся, что Майка передумает.

«Такой подарок! Такой! Никанор будет просто на седьмом небе!» – думал Там и даже жмурился от счастья.

Нести бубенец было тяжело, и Там решил его катить. Это оказалось гораздо удобнее. Там толкал его обеими лапками впереди себя, а тот катился по траве и звенел.

– Майка, где ж ты, Майка? – раздавалось на лугу.

«Что-то она Майку всё не найдёт никак?» – удивлялся Там.

Они с бубенчиком уже почти докатились до края луга, когда Там услышал где-то рядом:
– Майка, ну где ты, коза тебя задери!

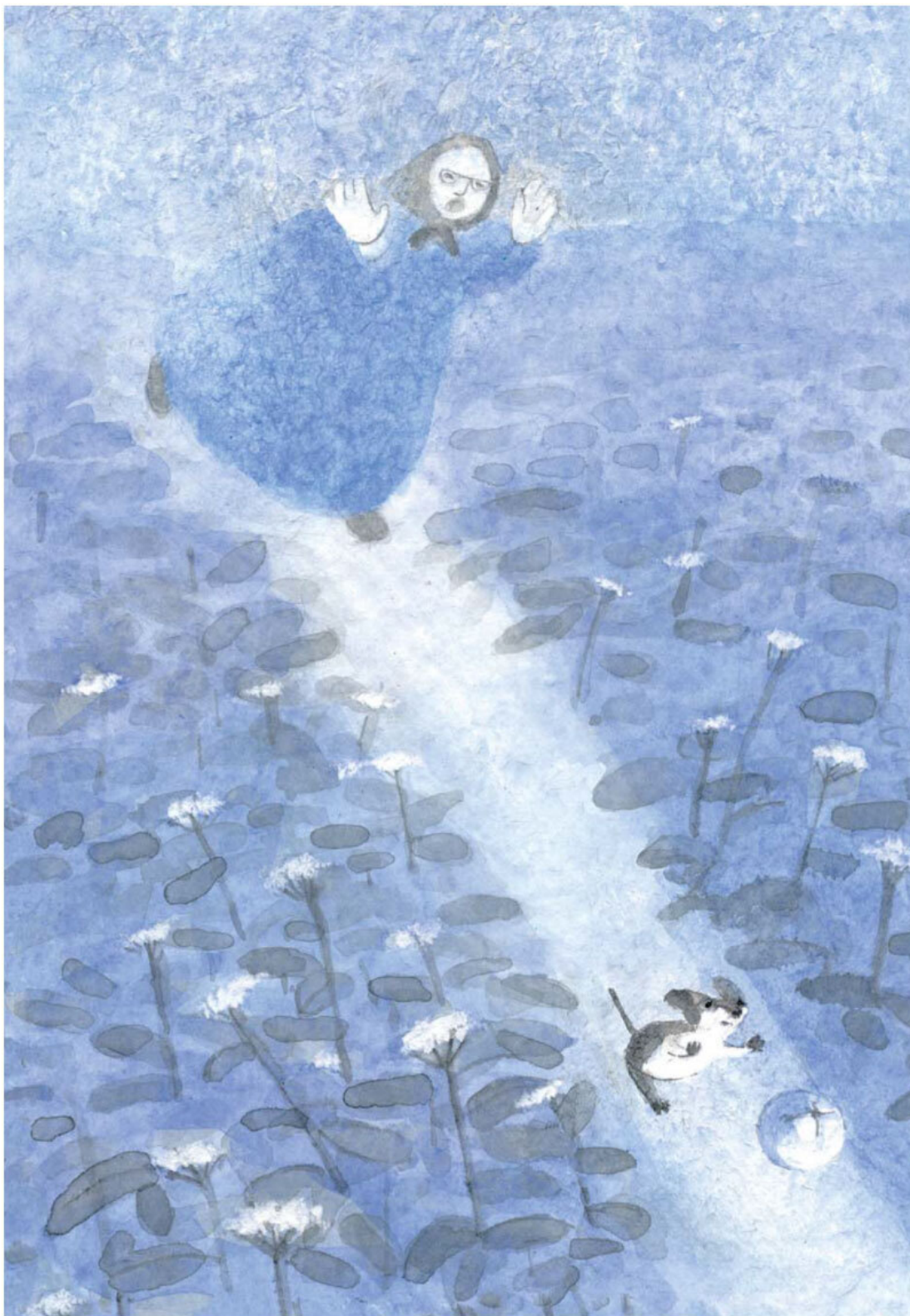
Там обернулся и увидел в тумане расплывчатую фигуру.

«Баба Тоня... – догадался он и с ужасом понял, что бабушка бежит на звон его бубенчика. – Она думает, что я – Майка. Вот ведь кошмар какой!»

Мышонок замер. Фигура в тумане тоже остановилась. Тогда Там попробовал катить бубенец осторожно-осторожно. Но тот снова весело зазвенел. И бабушка снова побежала следом.

«Да что ж это такое! – в отчаянии подумал Там. – Эта бабуля до самой норы за мной топтать будет?!»

Он ещё раз замер и прислушался. «И Майка почему-то не звенит... Заснула она, что ли?» – рассердился Там. И решительно повернул в обратную сторону.

Там мчался вниз по лугу, еле успевая за бубенцом, который уже сам катился, заливаясь звоном. А за ними по пятам бежала баба Тоня, причитая и охая.

Когда он добежал до Майки, та действительно спала, уткнувшись мордой в общипанный кустик.

– Майка, проснись! Да проснись же ты! – кричал он. – Меня твоя бабуля чуть не затоптала! Тут она, тут! Ты звени давай! Звени!

– Чего? Кого? – Майка спросонья ничего не поняла, испугалась, подпрыгнула, затрясла головой, а все её бубенцы наконец дружно зазвенели.

– Маечка ты моя дорогая, ты ж моя коза! – раздалось у Тама над головой, и он что есть мочи бросился в сторону, едва успев подхватить свой бубенчик.

...Из тумана до него ещё долго доносились возгласы счастливой бабы Тони и блеянье Майки.

«Ну и денёк... ну и туман... Сплошные заблуждения...» – вздыхал Там, из последних сил вкатывая бубенец в деревенскую гору.

Из сада раздавались встревоженные вопли Никанора: бедняга всё звал Тама.

Когда Никанор увидел свой подарок, он долго смотрел на него, а потом обнял обеими лапками. «Спасибо», – прошептал он, хлюпая носом. Он так разволновался, что даже ужинать не стал, а всё обнимал серебристый шар, встряхивал и слушал. Он отказался выпустить его из лап даже ночью, так и уснул, обхватив бубенчик и прижавшись к нему мордочкой.

А Там никак не мог заснуть. Он закрывал глаза, а перед глазами мелькали козы, бубенчики, бабушки, опять козы... И туман.

Страшная сила

Старая вишня, под которой жила семья Тама, да и вообще весь вишнёвый сад, принадлежали дяде Матвею. Он жил в большой деревянной избе вместе с женой Марьей Ивановной и двумя кошками. Была у них ещё собака по имени Ёлка, но от неё никакого вреда мышам не случилось. А вот коты были грозой и ужасом всех мышиных семей. Звали их Батон и Крышка.

Поговаривали, что Крышка серая и длиннолапая, а зовётся так из-за единственного белого пятна вокруг правого глаза. Пятно это было как раз размером с крышку от банки.

Про Батона слухи ходили смутные и ужасные. «Тот, кто видал его вблизи, уже ничего никому не расскажет», – твердил Папа суровым голосом.

Сороки, главные сплетницы в округе, болтали, что Батон огромный, огненно-рыжий, с длинными клыками, а хвоста у него всего половина. Вторую половину Батон потерял в боях: он, если верить слухам, был отчаянный драчун и держал в страхе всех деревенских котов.

– Никогда, вы поняли меня, ни-ко-гда не задерживайтесь на скошенной лужайке перед домом! – говорил Папа, значительно подняв вверх палец. – Там у котов самое охотничье место! Мышата слушали и кивали.

– Где нужно мчаться бегом? – грозно вопрошал Папа в самый неожиданный момент.

– Везде, где покосено! – хором отвечали мышата. Это правило они выучили назубок.

Сегодня братья собрались стонять на край деревни в ольшанник и покидаться шишками. Шишечные войны были одним из их любимых развлечений. Выбравшись из норы, мышата, болтая, дошли до ближнего края опасной лужайки.

– Чур, я первый, – сказал Никанор и, выпрыгнув из густой травы, помчался по скошенному склону. Он добежал до лопухов, росших вдоль забора, и скрылся.

– Давай... – пискнул он из лопухов, и Там выскочил на лужайку.

Он бежал быстро-быстро и уже почти пересёк опасное место, как вдруг увидел лягушонка. Лягушонок махал лапками и яростно спорил с кузнечиком о том, кто из них дальше прыгнул.

– Нечестно, нечестно! – кричал лягушонок. – Ты задней ногой за черту заступил!

Кузнечик стоял, набычившись, и сердито шевелил усами. Намечалась интересная драка. И Там на мгновение зазевался.

Вдруг и лягушонок, и кузнечик брызнули в разные стороны и пропали. И тут Там увидел огромную ушастую тень, которая упала на лужайку, заслоняя солнце. Он прыгнул вперёд, но из этого ничего не вышло: что-то тяжёлое придавило его хвост! Мышонок оглянулся. На хвосте лежала большая когтистая кошачья лапа, плотно прижимая его к земле. Там глянул вверх:

сверху на него смотрели два раскосых зелёных глаза, а вокруг одного из них белело пятно. «Крышка», – понял Там. И замер.

«Что ж делать-то?! Что делать?»

Тут он вспомнил Большого Лиса и его зубастый оскал. «Для устрашения врагов, – пронеслось в голове у мышонка. – Может, мне удастся её устрасить?» – подумал он и изо всех сил оскалился. При этом Там одновременно ещё и зажмурился, потому что ему было невыносимо страшно.

Сверху донеслось непонятное хмыканье. Стало тихо. Там стоял, зажмурившись, оскалившись, и совершенно не шевелился. Прошла минута – ничего не происходило. Тогда Там, не открывая глаз, тихонько попробовал пошевелить хвостом. Нет, хвост был по-прежнему прижат.

За это время кошка Крышка уже давно добежала до крыльца и что есть силы трясла дремавшего на тёплых досках кота Батона.

– Да проснись ты уже! Там такое, такое!!!

– Ну что там такого, что и поспать нельзя? – зевнул Батон.

– Батон, милый, бежим скорей! Я, кажется, поймала бешеного мышонка. Ты пойдёшь глянь, а то я его есть боюсь!

– А он что, сидит там и нас дожидается? – спросил Батон, удивлённо подняв бровь. Потом потянулся всем своим рыжим туловищем и в один прыжок соскочил с крыльца.

– А я ему хвост камушком придавила. Да ты только глянь, что у него с мордой делается, ну точно – бешеный мышенок! – тараторила Крышка, пока они бежали к лужайке.

Подойдя к мышонку, Батон откинул камушек и придавил кончик хвоста своей широкой лапой. Мышонок вздрогнул и оскалился ещё сильнее.

– Вот что это он делает, как ты думаешь? – спросила Крышка, недоверчиво разглядывая мышонка. Батон пригляделся, покрутил головой туда-сюда и сказал:

– По-моему... он улыбается. Но как-то жутковато улыбается.

– Вот то-то и оно. Разве может нормальный мышенок улыбаться, когда его собираются съесть?

– Наверяд ли... – задумчиво проговорил Батон. – А морда-то гадкая какая!

– Вот-вот!

– М-да. Есть его, пожалуй, не стоит, – подытожил Батон. – Но и отпускать рановато.

Тут Там не удержался и пискнул:

– Почему?

– Почему? – спросила Крышка.

– А он нам, пожалуй, пригодится, – сказал Батон. Он отпустил мышинный хвост и лапой потёр рыжую морду. – Отомри уже. Эй! Как тебя там?

– Там, – ответил Там и открыл один глаз.

– Где там? – не понял Батон.

– Меня зовут Там. Мышонок Там, – сказал Там и открыл второй глаз. Было ясно, что, раз завязался разговор, есть его пока не будут. Теперь он во все глаза разглядывал Батона. «Ничего не жуткий, – думал Там, – просто рыжий котик. Ну, большой, но вовсе не гигантский».

- А хвост и правда откушен, – случайно проговорил он вслух.
- Чего-чего хвост? – подозрительно спросил Батон.
- Я говорю, хвост у вас боевой, сразу видно: богатый опыт сражений... – вежливо пролепетал Там.
- Он хорошо разговаривает, разумно так, – заметила Крышка. – Слушай, Батон, он на бешеного не похож. Давай его съедем!
- Да и шут с ним, что не похож, – отмахнулся Батон, – он мне для дела нужен.
- А можно узнать, для какого? – поинтересовался Там.
- Да, вот чего он тебе сдался? – нетерпеливо проворчала Крышка. Ей уже очень хотелось пообедать.

– А ты представь, – сказал Батон мечтательно, – если я при встрече с Полканом такую рожу сострою... Это ж новый поворот в войне!

– Полкан – он ваш враг, да? И вы его боитесь? – любопытствовал осмелевший Там.

– Не то чтобы боюсь, – замялся Батон, – но враг он достойный. Пёс такой мерзкий, самый злой. Я ему ухо прокусил, а он... – Батон грустно глянул на свой обрубок хвоста, – ну, он тоже драться умеет. Так вот, ты не мог бы мне показать, как ты это делаешь?

– Улыбчивый оскал? – уточнил Там.

– Ну да, вот эту бешеную морду.

Там на мгновение задумался, а потом внимательно глянул на Батона.

– Дядя Батон, я-то, конечно, с удовольствием, но при одном условии.

– То есть ты мне – выдвигаешь условия? – ошарашенно спросил кот.

– Получается, что выдвигаю, дядя Батон, – серьёзно ответил мышонок.

– Да мы ж тобой можем пообедать, вот прям сейчас! Правда, Батон? – воскликнула Крышка.

– Не-е, обед откладывается, – сказал Батон. – Этот оскал – страшная сила, у меня вообще аппетит пропал. Мощное оружие. Мне как воину оно необходимо. Так что давай, Там, выкладывай своё условие.

– Знаете что, – сказала Крышка, – вы тут ведите ваши переговоры, а я пойду обед поищу. А то у меня в животе урчит.

И Крышка, гордо задрав хвост, удалилась.

– Так какое условие? – спросил Батон.

– Условие моё такое: я вас обучаю, а вы – никого из нас больше не едите.

– Из кого это «из вас»?

– Ну, охотитесь, значит, в другом месте. А нас, садовых мышей, вообще не трогаете.

– Цена немалая, – заметил Батон и почесал лапой за ухом. – Но тогда уж и вы, мышиное племя, в дом дяди Матвея – ни ногой, так?

– Ну конечно. Это я гарантирую, – пообещал мышонок.

– Идёт. Договорились. Честное кошачье. Теперь показывай.

Там отошёл чуть назад и внимательно оглядел кошачью морду.

– Для начала, дядя Батон, вы сядьте.

Кот послушно опустился в траву.

– Так. Теперь пасть растяните в стороны, как можно шире. А глаза зажмурьте.

Батон зажмурился и неумело улыбнулся.

– Нет, так не пойдёт! Ещё, ещё шире. Улыбнитесь во всю морду!

Кот открыл глаза. Потом улыбнулся. И то и другое вместе у него не выходило. Батон очень старался, но получалось плохо. Там подошёл, прижал лапы к краям кошачьего рта и стал тянуть.

Кот замотал головой:

– Ты мне так рот порвёшь. погоди, дай отдышаться. Да... сложновато...

– У вас улыбочности не хватает, тренироваться надо, – вздохнул Там.

Вдруг прямо на голову Тама опустилась большая жёлтая бабочка-капустница. Потом она взлетела, села на нос кота Батона, на самый кончик, и пошевелила усиками. Батон замер, зажмурился и растянул пасть в счастливой зубастой улыбке. И громко чихнул. Бабочка вспорхнула и скрылась.

– Вот! Вот! – закричал Там. – У вас получилось!

– Ну... Так то ж бабочка! – восхищённо проговорил кот. – Бабочки – они такие...

– А вы что, бабочек любите?

– Больше всего на свете, – признался Батон.

– Ну, тогда всё просто! – воскликнул Там. Он подобрал с земли маленькую веточку и скомандовал: – Зажмурьтесь!

Кот послушно зажмурился.

– А теперь представьте, что к вам подлетает большая бабочка... и садится... садится... вам на нос, – и Там тихонько пощекотал кошачий нос кончиком веточки.

Морда Батона тут же растянулась в шикарной улыбке.

– Так, отлично. Теперь убираем оскал!

– Ну как, по-твоему, получается? – спросил Батон, открыв глаза.

– Просто отлично. Но надо ещё потренироваться, – серьёзно сказал Там.

Следующие полчаса мышонок и кот разучивали «улыбчивый оскал». Там оказался терпеливым педагогом. А Батон делал такие успехи, что скоро уже справлялся и без веточки. Оба были ужасно довольны друг другом.

– Знаете, дядя Батон, давайте устроим экзамен, – предложил Там.

– Думаешь, пора?

– Вы справитесь! – заверил его Там. – Итак... «улыбчивый оскал»!

Батон подпрыгнул, прижался к земле и оскалился.

– Замечательно! Отлично! – восхищался мышонок, бегая вокруг кота и поглядывая на него с разных сторон. – Держим оскал. Держим... Ну просто ужасная морда!

– Правда? – спросил Батон и снова оскалился.

– Уж вы мне поверьте: самая омерзительная! Полкана ветром сдует от одного взгляда на такое чудовище. Экзамен сдан!

– Уф... – выдохнул Батон. – У меня от старания даже рот онемел.

Кот сел и принялся внимательно облизывать лапу и умыться. Там тоже опустил в траву и задумался: «Надо же, какой чудной день. Учил кота! А этот Батон ничего, он мне даже нравится». И тут мышонок заметил, что из лопухов выглядывает Никанор и отчаянно машет ему лапками. «Вот ведь! Я с этими котами о нём и думать забыл», – спохватился мышонок.

– Дядя Батон, я пойду? – спросил он. – А то меня дома ждут.

– Ладно, беги давай.

– А вы про уговор не забудете?

– Запомни, мышонок Там, – значительно проговорил кот, – Батон никогда ничего не забывает. Но и вы тоже в доме не шалите.

– Это я обещаю. До свидания! – И Там побежал к лопухам.

– Ну ты даёшь! – выпалил Никанор, обнимая брата. – Я весь взмок от страха. Что ж, выходит, мы теперь можем спокойно гулять?... Эй, Там, ты чего? Чего ты?

Там сидел под лопухом и плакал навзрыд. Слезы ручьём текли по его мордочке, он утирал их лапками и, всхлипывая, твердил:

– Так страшно было, так страшно... А я... А Батон... А я...

– Пойдём, – тихо сказал Никанор и взял его за лапу. – Пойдём домой.

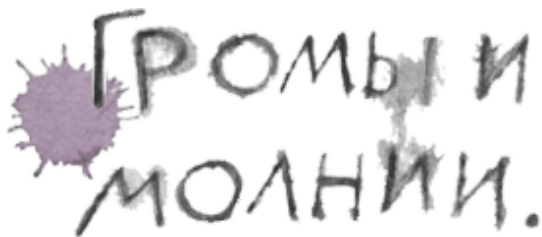
И мышата, обнявшись, побрели в сторону норы.

А кот Батон сидел на заборе, вглядывался вдаль и размышлял: «Интересно, где бы мне сейчас отыскать этого дурака Полкана?»

Потом он спрыгнул с забора и пошёл по деревенской улице, мурлыча и хитро улыбаясь в усы.

Громы и молнии

Иногда мышонка Тама неодолимо тянуло в одинокие странствия. В такие дни он становился задумчивым и нервным. Никанор, замечая настроение брата, говорил: «Что-то ты хандришь. Может, пора?»

– Нет, рано, – отмахивался Там.

Но наставал день, когда томление становилось невыносимым, и мышонок отправлялся «бродить».

Сегодня с самого утра погода стояла смутная. Всё как-то стихло и посерело.

Мышата сидели в траве, прислонившись спинками к шершавому стволу старой вишни.

– Самая бродячая погода... – сказал Там, глядя на белые облака, рядами пасущиеся в небе.

– Почему бродячая? – поинтересовался Никанор.

– Когда дождик – не погуляешь, по солнцу идти – жарко. Вот пасмурный денёк – самое то для путешествия.

– Пойдёшь? – спросил Никанор. – Куда?

Там махнул лапкой в сторону соснового бора, который начинался за деревней и зелёным морем стелился по холмам до самого горизонта.

– Туда пойду.

Там вскочил и решительно отряхнулся.

– Как обычно? – спросил Никанор.

– Ага, встречаемся у околицы. Но если дождь полёт, ты меня не жди.

– А будет дождь?

– Похоже. Сыровато сегодня, – сказал Там, поёжившись.

Мышонок Там вприпрыжку добежал до огорода и скрылся в ровных рядах картофельной ботвы. Сиреневые картофельные соцветия ещё немного покачались в том месте, где пробежал мышонок, и снова замерли.

Там пробирался через картофельное поле, увязая во влажной рыхлой земле, отдуваясь и ворча. Вдруг поле кончилось, и Там оказался у самой опушки соснового бора.

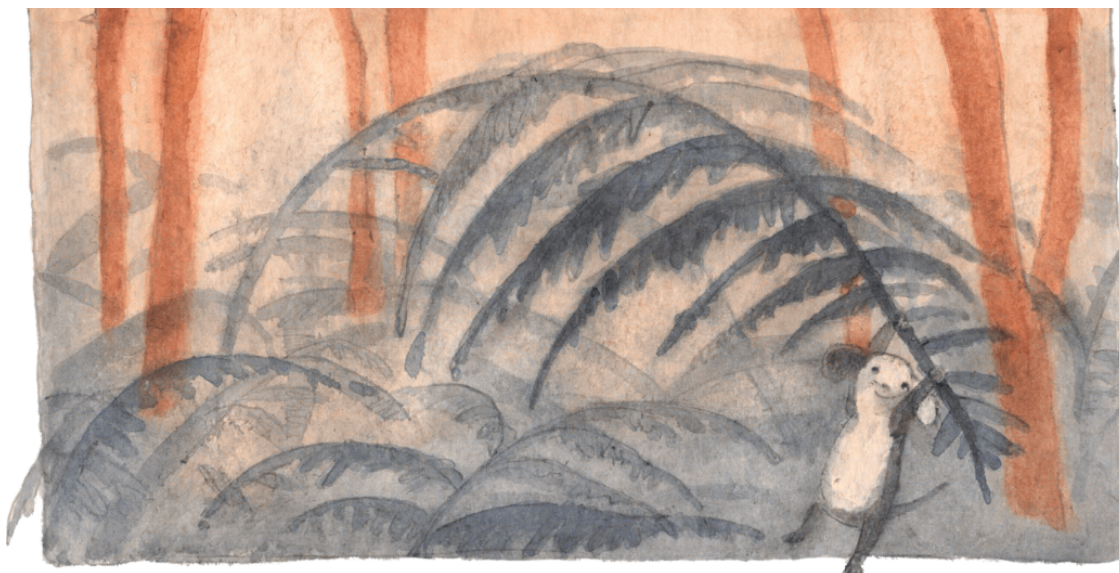
Он никак не ожидал, что лес будет такой огромный, и теперь замер, прижав уши и высоко задрал голову.

Толстые оранжевые стволы уходили ввысь. Они были гладкие, почти без сучков. И только там, под облаками, ветвились сучья и чуть шуршали пушистые сосновые кроны.

Там глянул вперёд. Здесь тоже всё казалось таинственным. В тех перелесках, где бывал Там, между деревьями полно всякого бурелома, кустиков, травяной путаницы. А тут землю

присыпало мягкой рыжей хвоей, из которой, как фонтаны, вздымались раскидистые кусты папоротников. Лапчатые ветви сначала взлетали вверх, потом плавно изгибались и кончиками опускались к самой земле. Эти заросли так и тянулись вглубь бора.

– Вот как... – удивлённо прошептал Там и потянул за одну ветку. Ветка нагнулась. Тогда Там перехватился передними лапками повыше и осторожно поджал задние. Папоротник качнулся, и Там плавно взлетел в воздух вместе с распрямившейся веткой.

– Ух ты! – крикнул мышонок и дёрнул лапками. Папоротник снова склонился, и Там приземлился в хвою. Мышонок пришёл в такой восторг, что даже восхищённо застрекотал:

– Трики-трики-трам!

Там прыгал от куста к кусту, хватался за упругие ветви, взлетал, опускался, снова подлетал вверх, спрыгивал.

– Трики-трики-трики-трам! – разносилось среди сосен.

Там даже научился перелетать от папоротника к папоротнику, не касаясь земли, ловко отпуская одну ветку и перехватывая лапками другую. Его весёлый писк всё удалялся и удалялся вглубь леса.

В очередной раз приземлившись, Там увидел гриб. Белый гриб, крепкий, ростом чуть меньше Тама, торчал из хвои на крепкой ножке.

«Вот здорово, – подумал Там, – это же целый обед, Мама-то как обрадуется!»

Он уже собрался его выдернуть, как вдруг заметил второй белый гриб. Тот рос под соседним папоротником и был как две капли воды похож на первый. Там задумался, какой взять. И тут почувствовал себя очень неудобно. Было что-то нехорошее в этих одинаковых грибах. Мышонок огляделся: вокруг, куда ни глянь, росли одинаково прекрасные папоротники. Под одинаковыми-преодинаковыми соснами.

– А опушка?... – пролепетал Там. Он понял, что безнадежно заблудился.

Внезапно все сосны разом закачались и зашумели. В верхушках загулял ветер. И тут мышонок заметил, что с ветки на ветку ловко прыгают два рыжих хвостатых зверька. Они прямо-таки мчались по деревьям.

– Постойте! Послушайте, стойте! – завопил Там.

Обе белки мгновенно замерли и свесили вниз любопытные мордочки:

– Тебе чего?

– Скажите, вы, случайно, не знаете, в какую сторону деревня? Ну... Лунёво? – спросил Там.

– Деревня? Это что? – спросила одна.

– Такое место, где люди живут, где дома, избы то есть, дорога ещё...

– А! Там деревянные гнёзда? – догадалась другая белка. – Из брёвен которые? Мы из них ещё паклю для дупел дёргаем, – пояснила она своей подружке.

– Ну да, ну да! – радостно закивал Там. – Так к деревне – в какую сторону?

– Влево, влево, до самой опушки! – затараторила белка, нетерпеливо переступая с лапы на лапу, – только ты быстрее беги: гроза надвигается!

Налетел новый порыв ветра, и белки опрометью бросились вглубь леса.

– Только грозы мне и не хватало, – проворчал Там. Он мчался к опушке, таща на плече гриб. Его он всё-таки захватил с собой.

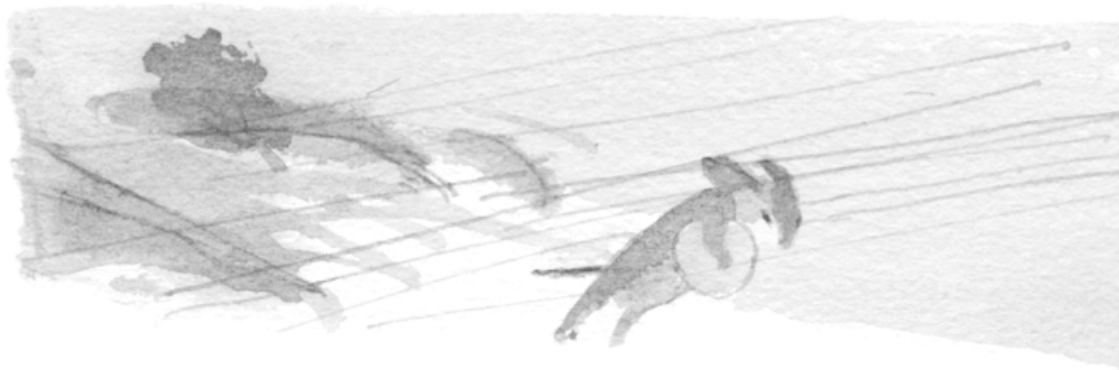
Сосны качались и гудели. С верхушек сыпались палочки и шишки. Вдруг между кронами что-то сверкнуло и через мгновение жутко грохнуло! Там присел от страха, потом снова побежал.

Когда он выскочил на опушку, ветер вдруг стих. Белые облака, похожие на овец, исчезли непонятно куда. А на их место выползла одна огромная свинцово-синяя туча. Она накатывала из-за леса, клубясь фиолетовыми боками, посверкивая зарницами и окутывая всё густой мглой.

Тут ветер рванул так, что Тама качнуло. Туча последним усилием навалилась на небо... И хлынул ливень.

Он обрушился, будто кто-то наверху опрокинул полное ведро воды. Речи не могло быть, чтобы бежать сквозь картошку, и Там бросился вдоль опушки, огибая поле.

Гриб сразу намок и стал ужасно тяжёлым, лапы поскальзывались на мокрой траве, так что мышонок то и дело падал. В одно из таких падений ножка у гриба отломалась. Тогда Там схватил под мышку шляпку и снова побежал.

Когда он добрался до края огорода, молнии уже сверкали сплошным фейерверком и грохотало без остановок.

Ветер дул с такой силой, что дождь летел вдоль земли, сшибая с ног. Дом был близко, и маленький мышонок упорно пытался идти вперёд. Но это уже не получалось. Вместе с дождём по ветру летели сучки, листья, палки. Там остановился, плотно прижал уши и хвост и зажмурился. Он был грязный, мокрый, он весь дрожал.

«Не дойду, – понял Там. – Прятаться надо».

И тут он увидел большую кучу мокрой земли, а рядом с ней – дыру.

– Нора! – крикнул Там и, подпрыгнув, скрылся в дыре.

Мышонок в первый раз оказался в чужой норе.

«Чей же это дом?» – думал он, бредя по длинному тёмному коридору.

Вдруг Там уткнулся прямо в живот какому-то зверю. Живот был тёплый и толстый.

– Вы кто? – пискнул мышонок.

– Кто я? Вот это да! Влез в мою нору и ещё спрашивает, кто я! Это ты кто?! – возмутился зверь. Он был покрупнее мыши, весь бархатисто-чёрный, с маленькими подслеповатыми глазками-бусинами и очень большими розовыми лапами. Этими своими лапами зверь быстро ощупал Тама с головы до кончика хвоста. Потом так же быстро ощупал гриб. «Он, наверное,

совсем слепой», – подумал Там. И тут он вспомнил, что Папа рассказывал ему про слепых подземных жителей. «Это крот, – догадался Там. – Интересно, он злой или не очень?»

– Ты вор! Ты украл мой гриб, – заявил крот.

– Я совсем не вор, я мышонок.

– Значит, ты мышонок Вор! – и крот топнул толстой лапой.

– Нет-нет-нет! – закричал Там. – Я мышонок Там, и гриб я не крал. Я его с улицы, из-под дождя принёс. Пощупайте сами: он же весь мокрый!

Крот ещё раз ощупал гриб.

– Правда мокрый. А наверху что, дождь?

– Там такая гроза, просто ужас! Слышите, как грохочет?

Крот прислушался.

– Да... Громыхает значительно... Знатная гроза, прямо-таки громы и молнии! – и крот восторженно потряс кулаком в воздухе. – Кстати, а что ты делаешь в моей норе, если ты не вор?

– Так я как раз от грозы сюда спрятался. Чтобы переждать. Можно?

– Переждать-переждать... – проворчал крот себе под нос. – Переждать и что-нибудь стащить?

«Нет, он не злой, – подумал Там. – Он подозрительный и, кажется, жадный».

– Да вы не волнуйтесь, – сказал он, – я и этот гриб еле тащил. Больше уж мне ничего не ухватить. Мне бы только обсохнуть.

– Ну ладно уж, обсыхай. Пойдём в залу, что ли... – и крот медленно заковылял вглубь норы.

– А вас как зовут? – Там семенил позади и всё время наступал кроту на пятки.

– Нас-то? Нас зовут Бархатовы, – важно проговорил крот. – Я господин Бархатов, а супруга моя – госпожа Бархатова. Только она сейчас почивать изволит. Так что ты не слишком шуми, имей уважение.

Они вошли в большую комнату.

– Вот наша зала, – сказал Бархатов и важно повёл лапой.

В зале не было ничего, кроме огромной горы сушёных ягод, грибов и орехов, сложенной у дальней стены. Гора высилась до самого потолка.

«У нас и коврики на стенах пёстрые, и подстилки, – подумал Там, – а тут – одна еда. Вот скущица-то»...

– Очень необычно, – вежливо сказал он.

– Ты к припасам-то близко не походи, – проворчал Бархатов, – ты вот тут, в уголку присаживайся. И сохни.

Там послушно примостился в углу, а Бархатов прилёг на гору с припасами и закинул лапы за голову.

– Теперь рассказывай, – приказал он.

– Что рассказывать? – не понял Там.

– А что угодно. Лишь бы я не уснул. А то уснёшь с тобой, а ты, того гляди, орехов себе укатаешь... Рассказывай давай.

Там задумался.

– Вы про синий лес знаете? А про туман? А про папоротниковые заросли?

Оказалось, что крот ни о чём таком не слышал. И Там начал рассказывать!

Он говорил и говорил, размахивал лапками, вскакивал, снова садился. Бархатов слушал так, как никто никогда ещё не слушал маленького мышонка. На его подслеповатой морде были написаны то восторг, то удивление – крот был весь внимание.

Там до того вдохновился, что принялся даже бегать по зале! Но крот уже ничего не замечал, он сидел, замерев, и только иногда, на особо волнительных моментах, у него подрагивали кончики усов.

В конце концов Там совсем уболтался, замолчал, чтобы перевести дух, и присел рядом с Бархатовым, прямо на драгоценные припасы.

Так они и сидели рядом молча. А сверху доносились затихающие раскаты грома. Гроза кончалась.

И вдруг Там услышал странные звуки. Бархатов как-то непонятно хрюкал и всхлипывал. Мышонок глянул на крота и увидел, что по щекам его текут слёзы. Они сбегали вниз и капали с кончиков кротовых усов.

– Что вы? Ну что вы, господин Бархатов? – испуганно проговорил Там, трясая крота за лапу.

– Не утешай меня, – отмахнулся крот и зарыдал ещё горше.

– Да что ж случилось-то? – уже сам чуть не плача спросил Там.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.